

Александр Иванович Куприн

Марья Ивановна

Александр Иванович Куприн
Марья Ивановна
Серия «О цирке», книга 11

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2525395

Аннотация

«Марьей Ивановной называлась обезьяна, самка, из породы павианов. Вероятно, это разновидность породы, потому что она мала ростом, но красный с синим зад, сложение тела и немного лающий голос убеждают меня в моем мнении. Подарили мне ее мои друзья, зная, что я очень люблю животных, но, конечно, подарили с коварным расчетом, чтобы от нее избавиться. Летом, на даче, привязанная на цепи, она, должно быть, была еще кое-как выносима...»

Содержание

Александр Иванович Куприн Марья Ивановна

Посвящается клоуну Жакомино

Марьей Ивановной называлась обезьяна, самка, из породы павианов. Вероятно, это разновидность породы, потому что она мала ростом, но красный с синим зад, сложение тела и немного лающий голос убеждают меня в моем мнении. Подарили мне ее мои друзья, зная, что я очень люблю животных, но, конечно, подарили с коварным расчетом, чтобы от нее избавиться. Летом, на даче, привязанная на цепи, она, должно быть, была еще кое-как выносима. Но представьте себе эту обезьяну зимой, в квартире!.. А на улице нельзя было бы оставить, потому что сейчас же начнется кашель, чихотка, наступит смерть... В квартире, да еще в квартире хорошо устроенной... Впрочем, я попробую пожаловаться поподробнее.

Минуя неопрятность этих милых животных, можно с уверенностью сказать, что они не оставляют никакого предмета, находящегося в поле их зрения, в покое. Тут не поможет ни цепь, ни моральное внушение. Если Марии Ивановне не удастся дотянуться до предмета ее желаний передними лапами, то она из всех сил натягивает цепь, пятится задом и

задними ногами притягивает его к себе. А потом (как говорят романисты), с быстротою молнии, распарывает обивку кресла, или дивана, или матраса и с неуловимой быстротой выбрасывает наружу все их внутреннее содержимое. Волосы, терса, стружки и шерсть так и летят на пол. Вот таким-то именно животным была Марья Ивановна. Кроме того, надо сказать, что все обезьяны по своей натуре пьяницы, обжоры, лакомки, суетливы, любопытны и своей жизнью готовы наполнить не то что целый дом, но даже несколько кварталов в городе.

Так, мне однажды рассказывали об одной обезьянке, мартышке, Яшке, которая жила у какого-то чиновника. И вот она однажды вышла через форточку на карниз – на высоте шестого этажа, – пробежала весь карниз, взобралась на брандмауэр, с брандмауэра вскочила на крышу, а с крыши спустилась по водосточной трубе (это было весною) на другой карниз. Тут она нашла открытое окно и вскочила в него. В маленькой комнатке сидела семидесятилетняя чиновница и пила кофе с топленым молоком и с вишневой настойкой – что может быть слаще этого на свете? И вот мартышка, презирая всякие светские приличия, вырвала из рук почтенной старушки чашку, выпила все ее содержимое, разбила чашку об пол, потом выпила весь драгоценный графин настойки и, говорят, покушалась поискать насекомых в волосах у дамы. Обезумевшая от ужаса вдовая чиновница схватила в руки грязную половую швабру и начала тыкать ею в морду

обезьяны. Но та с необыкновенным проворством выхватила ее из рук и, перевернув широким концом к старушке, загнала ее в угол, где старуха и упала в глубоком обмороке. Яшка между тем, увидев, что он наделал много беды, и сообразив, что семь бед – один ответ, на скорую руку наделал еще несколько пакостей. Залез в шкаф, растерзал несколько платьев, украл из шкатулки свежий цибик чаю, рассыпал его по полу, украл и положил себе за щеку несколько кусков сахара и таким же путем, каким добрался в квартиру почтенной женщины, вернулся к себе домой. А когда вернулся домой его хозяин, Яшка сидел на диване и с самым детским видом, с невинными глазами, разрывал на мелкие куски то прошение на имя министра, которое так каллиграфически переписывал раз двадцать чиновник. После этого случая, грозившего моему чиновнику многими неприятностями, Яшка был продан в зоологический сад.

Однако я отвлекся от темы. Возвращаюсь к Марье Ивановне.

У Марьи Ивановны был и еще один недостаток: она терпеть не могла женщин, то есть, вернее сказать, не женщин, а всех, кто был в длинной одежде. Почему был у нее этот каприз, я не знаю наверное, но подозреваю, что когда-то, когда она была матерью, какая-нибудь женщина жестоко и безрассудно отняла от нее дитенка и унесла его. С тех пор, предполагаю я, она возненавидела всех женщин.

Надо сказать, что ко мне и к моим гостям, мужчинам,

она относилась с замечательной приветливостью. Садилась на колени, терлась мордочкой о лицо, гладила по щекам своей жесткой холодной морщинистой лапкой с синими ногтями. В доме у нас все ее любили и внимательно ухаживали за ней. Больше всего ей нравились бананы, орехи, яблоки, арбузы и вообще зелень. Все это доставлялось в таком огромном количестве, которое влекло за собою совсем неприятные последствия. Но когда настали холода и пришлось ее перевести в комнату, тогда нам всем житья не стало от нее. Она ободрала все обои вокруг себя, разбила стекло, перебила посуду, опрокинула верхний этаж буфета, разломала на кусочки венский стул... и поломала и перегрызла все детские игрушки.

Правда, у нас было для нее маленькое утешение, – крошечный приبلудный щенок. Она приняла его с явным удовольствием в материнские объятия и постоянно сидя держала его между передними лапками. Но тут образовалась новая опасность. Если кто-нибудь подходил к ней во время ее материнских чувств, то она рычала, кашляла и кусалась, как настоящая мать, которая отстаивает своего ребенка. Словом, в конце концов мне пришлось сделать то же самое, что сделали люди, которые подарили мне это животное. Я, в свою очередь, подарил Марью Ивановну моему доброму знакомому, клоуну, который с удовольствием взял ее. Через месяц этот цирковой артист говорил мне:

– Синьоре Алессандро! Come¹ я вам благодарен! Прелестный обезьяна. Упо росо² капризный, но как мы работаем! Приходил цирк: завтра я сделал репетис, поглядите, как он один раз работал! А вечером пускал на манеж, на публика...

Я пришел поглядеть на Марию Ивановну. Шталмейстер Николаев принес ее к нам. Она меня узнала, по привычке потерлась о меня мордочкой, и положила мне на руку свою холодную лапку, и, видимо, мне обрадовалась. На манеже клоун и обезьяна работали прекрасно. Он делал курбет, и она повторяла его тотчас же. Он делал прямое сальто-мортале, а она – обратное. Кстати, клоун выдумал новый трюк: деля сальто-мортале, попадать головой в шапку, лежащую на полу, и вставать вместе с нею на ноги. Обезьяна проделала то же самое, но, надо сказать, – да простит мне мой друг, – с гораздо большей ловкостью, чем клоун. После репетиции, когда Мария Ивановна получила свой очередной банан и потянулась ко мне с нежностью, мой друг сказал мне:

– Prego³, синьор Alessandro, прошу не ласкать обезьян: он должен привыкал к один рука.

Через два дня был назначен его выход вместе с «замечательной обезьяной, которая никогда не поддается дрессировке, выписанной из тропических стран Южной Африки и Америки»...впрочем, вы сами знаете эти объявления. Для

¹ Как (*ит.*).

² Как (*ит.*).

³ Прошу (*ит.*).

этого случая я привез в ложу жену и детей. Мы видели балансирующих на канате медведей, людей с несгораемым желудком, великолепные упражнения на турниках и т. п. Вот, наконец, наступает номер с обезьяной. Клоун в ударе. Он смешит публику. Обезьяна все время начеку. Наконец ее выпускают.

– Allez! Перевернись!

Обезьяна покорно перевертывается.

– Ну, давай немножко прыгать. А? Господин капель-клейстер, сделайте нам марш. Гоп!

Оба делают сальто-мортале чрезвычайно чисто.

– Курбет!

Курбет исполняется еще чище, и обезьяна и клоун как будто подражают друг другу. Но в это время проходит вдоль барьера дама в малиновом платье, отделанном мехом шиншилла, и вот Марья Ивановна, не слушаясь окриков, не обращая внимания на шамберьер (длинный хлыст), кидается через манеж и буквально срывает всю узкую модную юбку с дамы, потом кусает ее за икру и после этого только, ударами бича загнанная в клетку, успокаивается.

Моего друга приговорили за эту черту характера обезьяны к четырем суткам ареста на Казачьем плацу и, кстати, к возмещению убытков за разодранную юбку из *satin merveilleux* и за панталоны *lino batiste*...

На днях мой друг пришел ко мне и сказал с горечью:

– Простите, синьор Alessandro, я ваш Марья Ивановна

продал в зоологический сад...